

М. В. КРОТОВА (Санкт-Петербург)

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

ОМСК В 1917 ГОДУ: ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ В. А. МОРОЗОВА

Аннотация: Настоящая статья основана на воспоминаниях В. А. Морозова – омича, юриста, участника Гражданской войны, эмигранта в Маньчжурии, которые хранятся в РГАЛИ. Воспоминания были написаны в 1960-х гг., по возвращении в СССР из Китая, но, несмотря на временную дистанцию в 50 лет, удивительно точны и объемны, охватывают широкий круг проблем, связанных с революцией в Омске.

Ключевые слова: Омск, революция, 1917, В. А. Морозов, эмиграция, Маньчжурия, воспоминания.

M. V. KROTOVA (St. Petersburg)

St. Petersburg State University of Economics

OMSK IN 1917: FROM MEMOIRS OF V. A. MOROZOV

Annotation: This paper is based on the memoirs of V. A. Morozov – a native of Omsk, lawyer, the Civil war participant, emigrant in Manchuria, which are in the Russian State Archive of Literature and Art. Memories was written in the 1960s, when Morozov returned to the USSR from China, but despite the temporary distance of 50 years, memoirs is amazingly reliable and diverse, cover a wide range of problems associated with the revolution in Omsk.

Keywords: Omsk, revolution, 1917, V. A. Morozov, emigration, Manchuria, memoirs.

Всеволод Александрович Морозов (1891–1979) – юрист, эмигрант первой волны, проживший более 30 лет в Китае – Харбине и других городах Маньчжурии. Он родился 20 ноября 1891 г. в Омске, в семье юриста, Александра Павловича Морозова (1864–1933), известного общественного деятеля. Окончил гимназию в Омске, затем юридический факультет Санкт-Петербургского университета (1914 г.). Был офицером, участником Гражданской войны, в 1920 г. эмигрировал в Харбин. В 1954 г. вместе с семьей он репатриировался в СССР [1]. В 1958 г. в Ишимбае он начал писать воспоминания, но затем отложил их на несколько лет [2]. В 1963 г. он приступил к созданию «Записок об эмиграции» (составляют несколько тетрадей и блокнотов) [3]. Три тетради (датированы 1967–1968 гг.), озаглавлены «О событиях революции в Сибири». И, несмотря на то, что в них зафиксированы события 50-летней давности, они несомненно представляют интерес для историков, передавая атмосферу и дух того времени.

В мемуарах В. А. Морозов передает не только свои впечатления – его круг знакомств в Омске был довольно широк: он был офицером, кадетом, чле-

ном Общественного собрания, работал в газете «Сибирская речь». Несмотря на растерянность, стремительно развивавшиеся события, он запомнил массу деталей, оставил точные характеристики отдельных людей, а также передал настроения солдат, офицеров, интеллигенции.

В феврале 1917 г. В. А. Морозову шел 26-й год, он уже окончил Юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В июле 1914 г. по мобилизации, как ратник ополчения I-го разряда, он был призван в армию, зачислен в одну из ополченских дружин, расквартированных в Омске. Таким образом, службу он проходил на родине, где жила его семья. К 1917 г. В. А. Морозов – офицер в чине прапорщика, в должности командира роты. К тому времени он был женат, в апреле 1915 г. родилась дочь Галина. Вместе с женой и дочерью они жили в доме отца, члена Омской судебной палаты.

В воспоминаниях Морозова Омск к 1917 г. – губернский город, среди жителей которого было много интеллигенции, людей свободных профессий (врачей, адвокатов). В промышленном отношении, отмечал В.А. Морозов, город был слабо развит, пролетариат имелся только в железнодорожных мастерских, на частном механическом заводе, на папиросной фабрике Серебрякова и других заведениях кустарного типа. Зато военный гарнизон в городе был очень велик – несколько запасных батальонов, дружин государственного ополчения, казачьи части, артиллерия: «Военные кадры того времени состояли почти исключительно из мобилизованных запасных и ратников ополчения (солдаты) и военизированных интеллигентов и полуинтеллигентов, окончивших ускоренные курсы военных училищ и школ прапорщиков. Большая нужда в офицерском составе вынуждала комплектовать школы прапорщиков людьми, имеющими очень низкий образовательный уровень, а, следовательно, малокультурных» [4].

Февральская революция стала для Морозова полной неожиданностью. Никто в его окружении ни о какой революции не говорил и не думал, и после полученных в конце февраля сообщений из Петрограда многие его знакомые были дезориентированы. Но поначалу старые понятия о власти и порядке еще сохранялись, и жизнь какое-то время шла по инерции. Сам Морозов не раз отмечал в своих воспоминаниях, что не любил политиканства, мечтал быть прокурором, защищать интересы государства. Став военным, приняв присягу, он почувствовал недопустимость нарушения долга и закона, отсюда его отношение к Февральской революции – «терпимое и настороженное».

Сам того не желая, В. А. Морозов был втянут в политические события. Его выбрали депутатом (по его словам, скорее командировали) Военного отдела Омского Совета рабочих и солдатских депутатов от Общества офицеров 706-й пешей Акмолинской дружины, где он был избран председателем комиссии по отправке маршевых рот (комиссии, по существу, не было, он был в единственном числе). Морозов был членом Совета 2–3 недели, пока не истекли полномочия, и все это время его не покидало ощущение «фальши, надуманности», участия в какой-то «недостойной игре». Свои впечатления о Совете он оставил в воспоминаниях: «Председателем Военного отдела был солдат (фамилию забыл). Он был старым подпольщиком, активным и решительным, толково вел за собой массу, которая в то время была на редкость политически темна и беспо-

мощна. Умело, так сказать, укрощая строптивых и инакомыслящих, каковые встречались среди делегированных в Военный отдел офицеров. Запомнил еще подпоручика Мокеева, тонного, щеголеватого офицера с университетским значком и изящным портфелем, прапорщика Буланова, газетного работника (лет 30–32)». О председателе совета – Константине Андреевиче Попове, он написал всего несколько строк: «Омский адвокат, туберкулезник, был левым деятелем, неоднократно подвергавшимся арестам “за политику”. Вел себя грубо, заносчиво, что не вязалось с его профессией» [5].

В воспоминаниях нашли отражение создание Коалиционного комитета, ситуация двоевластия, а также арест Н. А. Сухомлинова, выборы нового командующего войсками на общем собрании офицеров гарнизона. О новом командующем, генерал-майоре Г. В. Григорьеве, военном юристе в отставке, Морозов оставил следующую характеристику: «Человек не очень умный, никудышный адвокат, но везде и всюду прославлял «солнышко революции» – его так и прозвали. Словесная революционность создала ему некую популярность. Другой кандидатурой был генерал-майор Генштаба В. Г. Владимиров, начальник штаба 5-го ополченского корпуса, человек неглупый и волевой, звал к выдержке и спокойствию и сохранению порядка» [6].

В. А. Морозова назначили адъютантом начальника штаба 53-й ополченской бригады (начальником стал бывший адъютант по хозяйственной части Ильинский), но он попросил оставить его командиром роты. О своей роте он писал: «Солдаты были гораздо старше меня – на 10, 15 и 20 лет. Располагалась рота около железнодорожного вокзала, в переселенческих бараках, верстах в 4–5 от города и 7–8 от штаба дружины. Телефона у меня не было, я был предоставлен самому себе. В роте было 1100 – 1200 штыков (по списку), но в наличии около 700 человек. Рота моя ловила дезертиров: команды по 40–50 человек отправлялись на пассажирские поезда. Солдаты общались с самой разной публикой, возвращались полные слухов, пересудов и прочего. Дезертирство становилось угрожающим. <...> Где-то через 3 недели после февральского переворота, в 20-х числах марта по старому стилю рота взбунтовалась и арестовала ротный комитет. Я приказал освободить арестованных, собрал роту, чтобы выяснить причину ареста, но не смог этого сделать из-за галдежа и крайней недоброжелательности. В то время уже были случаи избиения офицеров: ратники 709-й дружины жестоко избили своего командира полковника Филимонова и бросившегося его защищать поручика Шпейера, которые после этого долго находились в госпитале. <...> Уже потом я узнал, что за день до этого в роте появились какие-то личности, вели беседы с солдатами. Очевидно, роты были «распропагандированы» [7].

После этого инцидента Морозов отказался от командования ротой и перешел на работу в штаб 53-й бригады. В штабе бригады было «тихо, особых происшествий до октября 1917 г. не было, все старались соблюдать и поддерживать заведенный порядок». Но его не покидало ощущение чего-то «несерьезного, неустойчивого, почти игрушечного». К тому же «гримасы революции» давали о себе знать. Почти обязательной стала, пусть формальная, но принадлежность к социалистическому лагерю, даже среди офицерства. Необходимость

«защитной окраски» превращала «чистокровных буржуев» в социалистов. Морозов примыкал к кадетам, работал в кадетской газете «Сибирская речь», которую редактировал приглашенный опытный газетчик Николай Яковлевич Каньшин. Всеволод Александрович исполнял обязанности технического работника, иногда заменял корректора, помогал в верстке номеров. По его словам, в газету писали в основном Н. Я. Каньшин и В. А. Жардецкий – руководитель омских кадетов, «прекрасный оратор и неплохой журналист, решительный и смелый человек» [8].

Одним из запомнившихся событий этого периода стала подписка на Заем Свободы (май – июнь 1917 г.) Он проходил в помещении комитета кадетской партии. Морозов вспоминал о том, как люди охотно, радостно отдавали свои деньги, сколько могли, приносили ценные вещи – кольца, броши, браслеты, подстаканники, портсигары и пр. Он сравнивал этот подъем с чувством, которое охватило нижегородцев после обращения к ним Кузьмы Минина – «большой и горячий патриотизм двигал людьми, объединил в высоком порыве молодых и старых, богатых и бедных, мужчин и женщин». Заем он считал проявлением «жертвенности во имя блага России, порывом, направленным на «обуздание мятежных страстей», исключительным событием, без которого нельзя понять появление Белого движения и эмиграции» [9].

О лете 1917 г. Морозов вспоминал как об относительно спокойном периоде: «Избиений больше не было, так же, как и беспорядков в воинских частях. Цены выросли, но на рынках еще можно было все купить. <...> Вполне терпимая жизнь, но недисциплинированная, разнузданная солдатня часто отравляла жизнь, делала ее неприглядной, а порой и отвратительной». «К лету 1918 г. мы так и не поняли, что свершилась революция, и старая жизнь уже не вернется – по инерции жили в тех же темпах и теми же интересами, что и до революции. Занимались самообманом, старались уверить себя, что можно жить по-старому». В период лета 1917 г. активно шли процессы делиберализации, «деволюционизации»: люди резко правели. «Обращение “товарищи” к сентябрю 1917 г. стало крайне одиозным, почти оскорбительным, как и слово “совдеп” – почти бранным, неприличным. Кто-то выругался “совдеп твою...”» [10].

Относительно мерное течение жизни нарушил октябрьский переворот. По городу были расклеены афиши, сообщавшие от имени Омского совдепа о событиях в Петрограде, заканчивавшиеся словами: «Мы с повстанцами». Сообщение о том, что Председателем СНК является Ленин, произвело ошеломляющее впечатление: «Это казалось какой-то фантасмагорией, кошмаром, сном. Первая мысль: с этим нельзя примириться, надо бороться, надо разогнать черный туман, окутавший Россию, медлить нельзя. <...> Но не знали, что делать, с чего начать. Как слепые щенки тыкались из угла в угол. Скоро в редакцию “Сибирской речи” явились два представителя Совдепа – пареньки 22–24 лет, вряд ли хорошо грамотные, но в общем добродушные – и заявили, что типографию Совдеп конфискует» [11].

В штабе бригады, по словам Морозова, все чего-то ждали. Состояние настороженности и ожидания вообще было характерно для этих дней. Вскоре появились особые отряды матросов и латышей – энергично стали насаждать ре-

волюционные начала. «Отцвели цветочки первых большевистских дней, созрели ягодки». Все чаще можно было услышать об обысках (по доносам бывших «домработниц» – кухарок, горничных – так они сводили счеты со своими бывшими хозяевами). Общественное собрание было закрыто. Революция «углублялась». Все государственные и муниципальные учреждения были разгромлены, в них насаждались новые порядки. «Все старое, привычное, и как будто неизбывное летело кувырком, жизнь принимала новые формы. Многие бросили работу, отказываясь работать с большевиками. Утвердилось мнение: нельзя шкурные интересы ставить выше чести и достоинства, выше долга перед Родиной».

В. А. Морозов писал о болезненной реакции на приказ о снятии погон – «один из самых оскорбительных, который немало способствовал возникновению антибольшевистских настроений». Погоны сняли, но на службу ходили, получали даже жалование в сильно урезанном виде до марта 1918 г. «Мы были предоставлены сами себе, питались слухами, страхами, выдумками и той неприглядной действительностью, которая сопровождала первые шаги советской власти. Мы считали, что большевики – это жалкая кучка узурпаторов, опиравшаяся на подонков общества и с их помощью захватившая власть. Мы все больше и больше утверждались в мысли, что наш долг перед Родиной – возможно активнее бороться с советской властью, в корне уничтожая все, ею насажденное» [12].

Тогда возникла мысль о необходимости создания нелегальных организаций, преследовавших цель борьбы с большевиками. «В декабре 1917 г. к нам в штаб бригады зашел некто Борис Мариупольский – помощник присяжного поверенного, предложил встретиться. Сообщил, что в Омске создана подпольная организация по борьбе с большевиками. Структура – т.н. “пятки”. Мне предложили создать свой “пяток” – т.е. привлечь в организацию 5 человек, и войти в руководящий центр». Морозов согласился, привлек двоюродного брата А. А. Ефимова. Собирались под видом игры в преферанс. Кроме них в пяток входили штабс-капитан Александр Васильевич Шемякин, штабс-капитан Неофитов-Неволин («душа всего дела», был убит в 1918 (июне-июле) после чешского переворота). Морозову было поручено держать связь с омскими учебными заведениями – кадетским корпусом, гимназиями. Он писал о том, что во всех учебных заведениях у него были связные – «ко мне толпами ходили домой до конца марта – начала апреля 1918 г., когда я уехал на работу в Славгород». Морозов утверждал, что были и другие партизанские отряды [13].

В. А. Морозов в мемуарах писал о неразберихе того времени: «По видимому, большевики не знали, что они могут, что не могут. В начале марта 1918 г. офицеров демобилизовали – пришли в штаб два паренька, уполномоченные принять помещение, имущество и денежные суммы штаба. Мы тщательно составили список инвентаря, денежный отчет и пр. Пока канцелярия готовила документы, мы разговаривали с представителями новой власти. Омским совдепом заправлял Косарев и Либков (Здесь видимо, мемуарист допускает искажение фамилии, имея в виду З. И. Лобкова – авт.). Один из представителей (кажется, Осипов) сказал: «Либков ничего себе хороший парень, но только он “венегретянского исповедания”». На наш удивленный вопрос, пояснили, что

Либков не ест мяса. Так, в начале марта 1918 г. я был “упразднен” и как юрист, и как офицер» [14].

После увольнения Морозов устроился на работу по постройке участка Южно-Сибирской железнодорожной ветки на должность начальника канцелярии участка в Славгороде, вернулся в Омск только после чешского переворота в июне 1918 г., был мобилизован в роту 2-го Степного полка. В дальнейшем служил в информационном отделении Военно-исторического отдела штаба Сибирской армии, где перерабатывал информацию из Разведывательного отдела штаба для газет. После переворота 18 ноября 1918 г. Морозов был переведен в отдел дежурного генерала, где работал до января 1919 г. (штаб армии переехал в Екатеринбург, а он был переведен в судный отдел Главного штаба, созданного в январе 1919 г.). В ноябре 1919 г. В. А. Морозов по его просьбе был зачислен рядовым в 11-й Сибирский казачий полк вместе с двоюродным братом А. А. Ефимовым. 14 ноября 1919 г. они выступили из Омска на Читу. Морозов впоследствии участвовал в знаменитом Сибирском Ледяном походе [15]. С декабря 1920 г. проживал в Харбине, оставил замечательные воспоминания о русской эмиграции в Маньчжурии.

Обобщая омский опыт и наблюдения, Морозов объясняет причины невозможности сосуществования с большевистским режимом, указывает на истоки Белого движения. Он также признается в многочисленных ошибках антибольшевистского движения («много раз рубили сук, на котором сидели»). Так, он считал, что «белые» сильно переоценивали значение религии в жизни русского народа, напрасно надеялись, что воинствующий атеизм большевиков встретит отпор со стороны широких масс и сделает их активными противниками советской власти. Также белые не представляли значения большевистской идеологии, их тактики, средств и способов борьбы, не были готовы к кардинальным изменениям. «Революцию интеллигенция встретила во всеоружии политического невежества и наивности. <...> Мы просто считали, что нас обманули, предали, надругались над всем светлым и чистым. Ничего, буквально ничего мы не понимали в происходящем и совершенно не представляли себе, что будет дальше и что надо делать» [16].

Воспоминания В. А. Морозова относятся к эго-документам и представляют важный исторический источник по истории революции, Гражданской войны и эмиграции. Они написаны через полвека после описываемых событий, и, несомненно, огромное влияние на них оказал последующий опыт, знание дальнейшего развития революции. Тем не менее, ценности от этого они не потеряли, и ретроспективный взгляд автора, а также четкая нравственная позиция придают тексту особую убедительность. Воспоминания В. А. Морозова показывают, что большой, сложный, многолетний спор о революции не окончен. Необходимо, анализируя причины и последствия революции, предоставлять слово и проигравшей стороне. Изучение таких источников позволит расширить представления о позиции сторон в 1917 г., сделать картину русской революции более объемной и многоцветной.

Библиографический список

1. Кротова М. В. «Все мы были участниками грандиозной политической игры»: воспоминания В. А. Морозова о харбинской эмиграции // Люди и судьбы Русского Зарубежья. Вып. 3. М., 2016. С. 101–115.
2. Смирнов С. В. Воспоминания русских репатриантов из Китая: прошлая реальность и реальность прошлого // Россия и мир: панорама исторического развития: сб. статей. Екатеринбург, 2008. С. 371–382.
3. РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 10–20.
4. Там же. Д. 14. Л. 8.
5. Там же. Л. 17.
6. Там же. Л. 25.
7. Там же. Л. 30–33.
8. Там же. Л. 41.
9. Там же. Л. 41А-42.
10. Там же. Л. 47–48.
11. Там же. Л. 53.
12. Там же. Л. 59.
13. Там же. Л. 62–69.
14. РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 14. Л. 71.
15. Об этом см.: РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 15–17.
16. РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 11. Л. 45.